

Книги Андрея Круза
в серии «Эпоха мертвых»

НАЧАЛО
МОСКВА
ПРОРЫВ
Я ЕДУ ДОМОЙ!

ЭПОХА
МЕРТВЫХ

АНДРЕЙ КРУЗ

Я ЕДУ ДОМОЙ!

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К84

Художник
И. Воронин

Круз А.
К84 Я еду домой!: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 437 с.: ил.—(Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1359-1

Они семья. Он уехал в командировку, она осталась дома с детьми. Но мир развалился на части и разделил их. Он оказался на одном его краю, его семья — на другом. Их разделили владения Смерти — бескрайние земли и пустынные океаны. Но способен ли конец света действительно разлучить тех, кто любит? Он решил, что нет, и намерен это доказать.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1359-1

© Андрей Круз, 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

21 марта, среда, утро

Округ Юма, штат Аризона. Юго-западный угол этого беззатей прочерченного прямыми линиями по пустыне штата, протянувшегося от Невады до Нью-Мексико, придавленного сверху мормонской Ютой и поджимаемого снизу мексиканской границей. Жара, песок, сухой колючий кустарник, искусственно высаженные апельсиновые рощи, каменистые холмы, песок, чахлая растительность. Авиабазы морской пехоты. Полигон национальной гвардии. Граница. Нелегалы. С Москвой девять часов разницы во времени и примерно тридцать градусов в температуре. Жарко здесь, очень жарко. И скучно.

Медвежьи углы бывают у нас, в России, а здесь медведи хоть и водятся, но мелкие и мало. Назвал бы угол в честь койота, каких тут множество, да неуклюже получается. Глухомань, короче. Я уже здесь год, и сколько придется торчать — один бог ведает. Надеюсь, не больше нескольких месяцев. А что поделаешь — работа. Принесла меня нелегкая сюда, в Америку, кому-то, может, и на зависть, а завидовать-то вовсе и нечему. Америка бывает разная — бывает та, что Лос-Анджелес с Нью-Йорком, даже в Аризоне случается современный Феникс со своими богатыми пригородами, но бывает и Юма.

Когда-то Юма считалась воротами Калифорнии. Именно через нее текли тысячи переселенцев, едущих в «апельсиновый штат» искать лучшей доли. Они прибывали по реке Колорадо, тогда еще не разделенной многочисленными

плотинами на озера и чахлые ручьи, пароходами, поездами по легендарной Юнион Пасифик, здесь на тот момент заканчивавшейся, — в общем, оживленное было место. Было. Теперь это маленький город посреди ничего. Около восьмидесяти тысяч жителей. Все здесь жалуются на скуку, плохих водителей — что есть, то есть: привыкли ездить по пустыне куда черти понесут, — активность мексиканских банд и высокую для таких краев преступность. И это тоже правда. Граница под боком, а здесь она еще в таком «кармане», что путей перехода множество, охраняется она плохо, волокут через нее кокаин мешками, нелегалы идут толпами, по пути приворовывают все, что плохо лежит. Полиция за ними гоняется, но без большого успеха. Полиция тоже больше чем наполовину из мексиканцев, но, в общем, в потакании землякам не замечена. Конкуренция: чем больше придет с той стороны, тем меньше всего останется этим, на этой стороне.

Самый южный город округа Юма — Сан-Луис, американская часть поделенного пополам мексиканского городка Сан-Луис де Рио Колорадо. Как и его мексиканская половина, этот пыльный и небогатый городишко, построенный между несколькими промзонами, населен в большинстве своем смуглыми людьми, полагающими родным языком испанский. Оттуда же расходится по всей Америке немалая часть белого порошка — мексиканский картель Хуарез настолько прочно здесь засел, что в мексиканском Сан-Луисе есть даже улица Хуарез, как раз в честь него и названная. Она, что характерно, зажата между улицей Либертад, что означает Свобода, и улицей Революсьон, название которой переводить даже не надо.

Сам же Сьюдад Хуарез тоже расположился неподалеку, как раз напротив техасского Эль-Пасо, а в Сан-Луисе у него лишь филиал. Еще в Сан-Луисе успешно функционируют сразу четыре весьма агрессивные молодежные банды, которые преимущественно занимаются наркотиками, но не брезгают периодически грабить и воровать в самой Юме, воевать между собой и вообще причинять как можно больше проблем окрестностям. По наглости они значительно превосходят полицию, по вооруженности ей не уступают, а для

тех, кто вообще переходит границы разумного, есть еще и государственная граница: перебрался через нее — и ты в безопасности. А до рубежа из Сан-Луиса рукой подать — в самом прямом смысле этого слова.

Еще банды активно режутся между собой, потому что, по слухам, пару из них втихую поддерживает картель Гольфо, а еще две верно служат картелю Хуарез. Так что противоречия между ними лежат глубокие, непримиримые, а если точнее, то спорят они о направлении движения кокаиновых потоков.

Вообще граница — главная головная боль местных властей. Сити-холл Юмы даже предоставляет льготное жилье всем, кто нанимается в «Бордер Патрол»: надеются таким образом остановить бесконтрольное хождение в обе стороны. Кстати, я так и не могу понять, что мешает им вместо стены, которую перелезть можно без проблем, и вальяжного патрулирования на машинах вдоль нее не взять на вооружение опыт товарища Карацюпы с четвероногим другом Ингусом, то есть провести контрольно-следовые полосы, организовать заставы и секреты... — у нас-то граница была на замке.

Население самой Юмы наполовину мексиканское, наполовину белое. Негров почти нет. Зато есть индейская резервация племени Кокопа, в которой вальяжно живет около тысячи человек, пользуясь доходами аж с трех казино — главного бизнеса индейских резерваций.

Все дешево, потому что сюда никто не едет. Женщины все больше некрасивые, нечесанные, без косметики, неухоженные. Волосы в жменю взяла, заколкой заколола, напялила растянутую майку с застиранными шортами, кроссовки на веснушчатые ноги и пошла. Здесь это зовется «естественной красотой», подозреваю, по принципу: «Что естественно — то не безобразно».

Да и толстоваты они в своей массе — не в моем вкусе, прямо скажем. Мы, русские, избалованы женской красотой и зачастую, попадая в иные края, испытываем от ее отсутствия культурный шок. Жене-красавице, ухоженной и элегантной, местные англосаксонки в подметки не годятся, так

что моя супружеская верность здесь крепнет день ото дня. Раньше жена опасалась меня здесь бросать одного, но после последнего визита явно успокоилась, поняв, что конкурентов здесь нет и быть не может.

Мексиканки тоже уже все больше многосемейные и многодетные, да и с индейской кровью, коренастые, невысокие. Короче, настолько отсутствуют соблазны, что я лучше буду честно смотреть в глаза семье, когда ее наконец увижу.

Семья в Москве. Старший мальчишка в школе, младший — в детском саду. Менять, пусть даже на год, хорошую московскую школу на захолустную аризонскую не стали. И правильно сделали. Я вот тоже жду не дождусь, когда можно будет счесть дело работающим и ехать домой, появляясь здесь потом с нечастыми визитами.

Как сюда занесло? Почти случайно: придумали некую полимерную сетку, удерживающую влагу в сухой почве, а заодно укрепляющую бока дренажных канав. Не я придумал, другие, я только в производство взялся запустить. В Москве влагу точно удерживать никому не надо — там ее девать некуда, а здесь это — дело насущное. Разумеется, оно не только в Аризоне насущное, но и много где еще, да случайно отсюда первый большой заказ пришел, вот я и прилетел. Производство, благо оно совсем небольшое, разместили в Мексике, неподалеку совсем, а американцы сетку покупают, так что здесь у нас торговая база. Потом и из Невады люди стали приобретать, а теперь и из Нью-Мексико заказчики подкатили. И вышло, что именно здесь работа пошла, а раз пошла, то я и застрял.

У меня работают три человека. Главный человек после меня — Джек Симмонс. Белобрысый, незагорающий, поэтому с вечно красной физиономией, пробивающейся из-под жидких волос лысиной. Он — менеджер, он главный, он продает, и вообще человек настолько незаменимый, что недавно я сделал его партнером. У него есть недостаток: Джек настолько зануден, что даже я стараюсь его избегать по возможности. Еще его избегает бывшая жена, которая лишь тянет с него алименты, общаясь через адвоката.

Еще у меня работает помощницей упитанная веселая девушка Тереза Гонсалез, с сильной примесью индейской крови, делающей ее похожей на старые ацтекские статуи, которая сидит на телефоне, хихикает и общается с клиентами. Мексиканский акцент у нее отсутствует почти полностью, зато она сама разбирает любые акценты.

А еще есть Пабло. Паблито. Маленького роста тощий мексиканец с густыми усами, отец шестерых детей, муж скандальной жены, вечно сидящий без денег, но на жизнь не жалующийся, шутник и оптимист. Он у нас монтер, водитель фургона, экспедитор. Я стараюсь платить ему побольше, заставляя Джека закрывать ему сверхурочные, когда таковых и в помине нет. Джек злится, но делает. Паблито, судя по всему, это заметил, потому что стал по отношению ко мне подчеркнуто дружелюбен и по-доброму услужлив. Еще ему нравится, что я говорю не только по-английски, но и на испанском. А больше у нас и нет никого. Есть еще небольшой склад и офис в трейлере, где всем заправляет Джек.

Сбился. Так что делать в Юме, штат Аризона? Искать себе развлечения. Какие? Первая мысль приходит сразу — здесь все же Дикий Запад, все с револьверами и винчестерами, можно стрелять. Есть тир при оружейном магазине «Спрэгс Спортс», и у этого же самого Уилла Спрэга есть стрельбище, где палят из всего, что существует в природе: от револьверов одинарного действия в ковбойском стиле до пулеметов — в Аризоне, если расстараться, можно стать владельцем любого оружия, даже «третьего класса» — на этот счет здесь просто.

У Спрэга оружие дают в аренду, чем я и пользуюсь: в этом ничего незаконного нет. А еще дают уроки, от которых я тоже не отказываюсь. Пару раз даже приезжал Тодд Баррет — чемпион Америки по практической стрельбе из пистолета, самой «житейски полезной» стрелковой дисциплине. И к нему на уроки я ходил. Да и другие инструкторы неплохи, грех жаловаться. По крайней мере, от них я услышал много откровений, которые смыли и стерли мой старый, весьма ограниченный опыт стрельбы из служебного

«макарова». Посмотри на меня тогда, при сдаче нормативов, и сейчас — теперь я просто Дикий Билл Хикок¹. И двигаюсь, и паляю на ходу, и попадаю, и вообще развлекаюсь, как могу. Всегда стрельбу любил и в Москве по мере возможностей ею занимался, только вот с пистолетной стрельбой там большие проблемы. А жаль.

Походил даже на занятия по городской тактике, где ты изображаешь из себя спецназовца, топя пригнувшись с дробовиком или пистолетом-пулеметом по лабиринтам, расстреливая мишени. Интересно, прямо детская игра в войнушку.

На патроны уходит куча денег, эдак по двадцать долларов за пятьдесят штук, если к пистолету, но поскольку других трат у меня немного, то могу себе такую блажь позволить.

Чуть позже я обнаружил еще одно развлечение, которым увлекся, — я начал брать уроки пилотирования в аэроклубе, расположившемся в маленьком аэропорту Уэлтона, что километрах в пяти к западу от моего дома. Не то чтобы я собирался покупать самолет, но удовольствие от учебных полетов было уже достаточным вознаграждением. Инструктор по имени Дейв брал с меня тридцать пять долларов в час, за что взамен взялся провести обязательный сорокачасовой курс, достаточный для получения лицензии пилота-любителя.

Учеником я оказался способным, особенно учитывая, что в свое время окончил Московский авиационный институт и занимался в студенческом аэроклубе, то есть теоретическую часть летного дела знал не хуже самого инструктора, так что к окончанию курса я вполне лихо и аккуратно пилотировал клубный «Пайпер Команч». Да и получив лицензию, частенько приезжал на аэродром, чтобы полетать — очень уж увлек процесс, хоть сами полеты обходились в копеечку.

В общем, искал я себе занятия в этой самой Юме, потому

¹ Дикий Билл Хикок — легендарная личность времен Гражданской войны в США: по одной версии, вспыльчивый меткий стрелок, чуть ли не бандит, по другой — справедливый шериф, боровшийся с бандитизмом. Возможно, и то и другое. — *Здесь и далее примеч. авт.*

что в противном случае оставалось только сидеть за компьютером или пиво глушить. А в больших количествах и то и другое вредно.

*21 марта, среда, все еще утро. Округ Юма,
штат Аризона, США*

День начался как обычно — я вывел из гаража свой эндуро, или, как их называют в Америке, «грязевой байк»: шестисоткубовую «Ямаху Экс Ти», оставив ее молотить вхолостую на подъездной дорожке, а сам вернулся, чтобы подтолкнуть постоянно заедавшие ворота. Так и не могу собраться их подрегулировать. Когда едешь на работу, заниматься этим некогда, а когда приезжаешь домой, то уже неохота. Все время откладываешь, откладываешь — так и подталкиваешь рукой из месяца в месяц. Позор. А дел-то на пять минут наверняка.

Кстати, о доме — он по размерам такой же, как и мой московский, арендовал его с мебелью, и неплохой, что не так часто бывает, а плачу я за него чуть больше тысячи долларов в месяц. Тоже показатель того, что округ Юма — глухомань. Впрочем, я даже не в самом городе Юме живу — там дороже, а именно в округе, в крошечном городишке Уэлтоне, в гольф-клубе, раскинувшемся на ручье под совсем не романтическим названием Койотова Купальня, где я даже начал поигрывать в эту аристократическую игру. Точнее, уроки брать: в гольф играть с кондачка не научишься. А что делать? Скучно здесь.

Дом в аренду я нашел не столь по соображениям престижа, сколько по удобству поездок на работу, ну и цена понравилась. Когда жена была здесь, только морщилась, глядя на окружающий пейзаж. То ли дело у нас в Подмосковье, с видом на водохранилище и сосновый лес. За пределами гольф-комьюнити, которое тоже красотой не поражает, рай заканчивался. За федеральным шоссе номер восемь были апельсиновые плантации и промзона, где и располагался наш склад. Там же раскинулись два трейлерных парка: один — для проезжих туристов, асфальтированный и рас-

черченный белыми полосами, где стояли редкие сверкающие RV, и второй — оседлый, где в старых развалюхах, давно никуда не ехавших, называемых мобильными домами, селилась все больше всякая шваль вроде сезонных рабочих. Поэтому шоссе выступало естественным водоразделом между относительным богатством и бедностью, причем бедностью отнюдь не той, которую классики именовали «благородной».

С противоположной стороны тянулись поля, владельцы которых и закупали нашу сетку. Вода здесь в дефиците, а сетка помогает ее экономить. Найти бы еще средство, которое помогло экономить им пестициды... По слухам, ничего из того, что было выращено здесь, в рот и брать нельзя было: сплошная химия. Но я над этим слишком не задумывался, полагая, что от судьбы не сбежишь, а лишь избегал покупать полуфабрикаты.

Закрыв все же ворота, я сел на мотоцикл и рванул с места, чуть приподняв его на дыбы. Одна радость от пребывания здесь — мотоциклетный сезон круглый год, и есть где погонять на «эндуре», потому как вся пустыня в моем распоряжении. Разумеется, когда жена приезжала, приходилось брать машину в прокат, но пока в гараже лишь мотоцикл с велосипедом место занимают.

Вчера утром около часа проболтал по телефону с женой, потом весь день настроение было почти убитым. Услышал ее голос — она еще поплакала, дала с мальчиками поговорить... Тяжело столько времени без них, на стену уже лезу. Пусть они здесь летом были, а жена еще и позже прилетала, но тоска ужасная. Мальчишки там без меня растут, а я, понимаешь, сетку дренажную местным фермерам продаю. А что делать? По-другому продавать не получилось.

Сегодня настроение хоть немного поправилось, да и день ожидался хлопотный. Большой заказ нам подкинули, который с трудом разруливался с производством, — надо было что-то решать. Вот я и выехал сегодня пораньше. Солнце только поднималось, светя мне прямо в глаза, пока я выруливал по Колорадо авеню к Уильямс, которая вела к мосту, перекинувшемуся через шоссе. Было ветрено, по серому асфа-

льту дороги несло песок, которого тут было от края и до края. К вечеру ветер может совершенно разгуляться, и начнется настоящая песчаная буря — мерзкое явление, если честно. Потянет как из печки с севера, из пустыни Мохаве и одноименного округа, понесет песок и пыль, закроет небо, потемнеет... гадко.

Когда я уже почти заехал на мост, прямо за спиной у меня взвыла сирена. Я притормозил, полагая, что кому-то вздумалось остановить меня, но оказалось, что ошибся. Мимо пронесся на большой скорости черно-белый полицейский «хаммер» второй модели — и на таких здесь катается полиция. Неслись они энергично, меня даже волной воздуха качнуло, мигали разноцветными «люстрами». Перед оросительным каналом в глубоком крене полицейская машина свернула налево, на Тир-Дроп-роуд, в сторону трейлерного парка. Опять там что-то случилось — кто-то кого-то пристрелил или зарезал. На кражи и прочее подобное полиция туда не катается — их просто не зовут. Или пьяная драка между соседями, или что-то в таком духе. Эти драки обычно плавно перетекают в поножовщину.

Редкий мексиканец в трейлер-парке не носит ножа, а живущие в Сан-Луисе холодному оружию предпочитают автоматы Калашникова, которых в виде китайских, румынских и польских клонов осело в этих краях немало. А мексиканские банды сделали из нашего «калаша» настоящий фетиш — для них он символ революции и борьбы с той самой Америкой, в которую они переселились. Хотя никакого противоречия для них в этом нет. В свое время США эту землю отобрали у Мексики, а теперь мексиканцы считают свое переселение в эти края лишь восстановлением исторической справедливости, к чему их, кстати, весьма активно подталкивает мексиканское правительство. Реконкиста идет полным ходом, и идеи об отделении от США с организацией государства Ацтлан носятся в воздухе. Впрочем, всерьез их никто не воспринимает.

Я проскочил поворот к трейлер-парку, прокатил мимо высаженных стройными рядами апельсиновых деревьев, как раз и дававших работу его обитателям, выехал на

Лос-Анджелес авеню — широкую и пыльную улицу, тянущуюся между сетчатыми заборами с выросшими вдоль них сухими кустами. Заборы огораживали территории складов, крошечных фабрик по упаковке цитрусовых, склада стройматериалов Тиллмана, фабрички по разливу пальмового масла и прочей подобной дряни, на которой в дешевых закусочных поджаривают начинку для бургеров, склад сельскохозяйственных химикатов компании «Гован», с которого их раскупали все окрестные фермеры, и так далее. Даже крошечная нефтебаза была, чуток поодаль. Ветер нес по улице пыль, шары перекасти-поля, рваную оберточную бумагу, какой-то мусор — в общем, выглядело все достаточно уныло. Сыпануло мелким песком, так что я вынужден был щиток шлема немного опустить. За Лос-Анджелес авеню раскинулся песчаный пустырь, за которым уже выстроились ряды обшитых сайдингом домов местных обитателей.

Я проскочил до самого конца улицы, где привольно раскинулись еще три трейлер-парка, один из которых носил гордо название «Наконечник стрелы», а второй именовался, как здесь часто бывает, в честь одного из «отцов-основателей», в глубоком крене, покуражившись, свернул влево и оказался у решетчатого забора с воротами, за которыми стоял наш офис-трейлер. Все, приехал. Остановился перед воротами, огляделся. Я вообще имею привычку в этом месте всегда оглядываться, поскольку здесь соседство не слишком вдохновляющее.

И опять оказался прав. Среди трейлеров стояли фургон «скорой помощи» и две полицейские машины — еще один «хаммер» и «Краун Виктория». И тут что-то случилось.

Из фургона появился Джефф — бывший инструктор с полигона национальной гвардии, теперь работающий частным охранником. По ночам он дежурил у нас в офисе, охраняя склад — не только наш, а целый квартал складов, но базировался у нас. И им удобно — Джеффа и его сменщиков я имею в виду, — да и нам тоже хорошо. Забраться сюда пытались не раз, хотя совершенно ничего ценного для себя обитатели трейлеров найти бы не могли. На кой черт им мотки

темно-зеленой полимерной сетки? Разве что украсть компьютер с телефоном из самого офиса.

Джефф отпер ворота и закрыл их за мной, когда я заехал на территорию. На нем была полувоенная серая форма, которую носили все в их агентстве, на поясе висела кобура с пистолетом — старым добрым «Кольтом 1911» «правительственной модели». В этом Джефф был консерватором, потому что все остальные его коллеги из охранного агентства ходили с новомодными «глоками». С другой стороны на поясе висели деревянная дубинка и наручники.

— Доброе утро, сэр! — поприветствовал он меня.

Он вообще всегда обращался ко мне «сэр», хоть меня это несколько напрягало. Хотя здесь так принято, это с непривычки я так реагирую.

— Доброе утро, Джефф,— кивнул я в ответ, стаскивая с головы шлем и рывком расстегивая «молнию» нейлоновой куртки.— Что там за шум?

Я ткнул пальцем в сторону трейлеров, затем начал стаскивать перчатки.

— Не знаю, сэр,— пожал он плечами.— Но шум там ночью был изрядный. Чертовы «спики»¹ орали до самого утра, а потом понаехало полиции. Сейчас половина из них уже уехала обратно.

Джефф, прямой потомок первых поселенцев-англосаксов, официально мексиканцев недолюбливал, хотя я постоянно замечал его приятельски беседующим с Паблито. Если точнее, то именно с Паблито он и дружил.

— Опять поножовщина была, наверное,— кивнул я.

— Не думаю, сэр,— мотнул головой Джефф.— Там еще и стреляли. Я всю ночь просидел как на иголках. Кстати, новости с родины уже знаете?

— Не понял. Что за новости? — насторожился я.

— Я же говорил вам, что иногда все же полезно смотреть телевизор,— усмехнулся он.— Вот вы его презираете, а в ре-

¹ «Спикиами» в Америке называют всех латиноамериканцев. Откуда взялось само слово, существует масса теорий — и ни одной правдоподобной. Пишется как «spic».

зультате не знаете последних новостей. В Москве какие-то беспорядки, было в новостях.

— Что за беспорядки?

— Никто ничего толком не говорит, но есть жертвы, и показывали ваших копов, стреляющих на улице.— Он помолчал и добавил: — Всерьез стреляли, из автоматов.

Вот как... А Маша вчера ничего не сказала. Странно. Хотя в нашей тихой деревне можно и не услышать ничего, да и новости она не смотрит. Тем более надо ей позвонить. И в Интернет я вчера не залезал, а вот это зря. Джефф-то на самом деле не совсем прав: мне компьютер с успехом заменяет как телевизор, так и газеты.

Я прошел в пустой офис, повесил шлем с курткой на вешалку и уселся за стол Джека. Он только через час подъедет, так что можно сидеть. Включил компьютер, глянул на часы. Так, позвоню, пока компьютер грузится. В Москве уже шесть часов вечера — если там что и случилось, Маша должна была знать.

Придвинул телефон, натыкал номер ее мобильного, прислушиваясь к пиликанию тонального набора в трубке. Взяла она трубку после пятого гудка, я посчитал.

— Золотая! — вместо приветствия сказал я.— Можешь говорить?

Терпеть не могу, когда она болтает по телефону, сидя за рулем. Лучше перезвоню. Она поняла смысл вопроса, ответила:

— Я дома. Никуда сегодня не выходила. Юрка приболел, сопливил, так что в школу не пошел.

Обожаю ее голос, грудной и мягкий. Как же я по ней тоскую!

— И ты не заставляла? — очень удивился я.

Это у них камень преткновения. Наш старший сын десяти лет, как и любой другой ребенок, рад поболеть. Мама всегда подозревает его в симуляции и гонит в школу чуть не пинками. Если оставила дома, значит, у него точно сопли до пупа сегодня.

— Правда заболел,— засмеялась она.— Но в постель загнать не смогла — целый день с Сашкой бесился.

Сашка — наш младший, ему три. Как это ни странно, но друг друга старший и младший обожают, готовы играть вместе целыми днями. Обычно при такой разнице в возрасте бывает по-другому. Если возьмется вдвоем, младший тоже зарыдится. А разогнать их по разным комнатам невозможно.

— Что у вас в Москве делается? — спросил я о главном. — В новостях здесь что-то болтают.

— Не знаю. Вовка звонил, сказал, что вроде в городе чуть ли не психи разбежались откуда-то. Стреляли там, еще что-то в этом духе.

— Ты бы повременила вообще Юрку в школу возить, — сказал я, читая заголовки новостей в Яндексe. — Тут о вспышках немотивированного насилия в городе пишут. Посидите дома.

— А мы и так сидим — куда мне с больным деваться? — засмеялась она.

А ее смех меня вообще с ума сводит. Сижу вот, слушаю — и схожу. Почему не могу там сидеть и с ума сходить?

— Вот и посидите, — выразил я общую идею. — И новости послушай, знай, что говорят. А то начнется, как тогда, когда Боря по парламенту из танков стрелял.

— Думаешь, так серьезно?

Голос стал слегка обеспокоенным.

— «Отмечены вспышки немотивированного насилия. Есть жертвы. Сообщили по крайней мере о двадцати погибших и двухстах раненых. Начальник ГУВД города Москвы...» и так далее, — прочитал я ей с экрана. — Двести раненых в городе при вполне мирной жизни за одни сутки — очень много, это уже боевые потери.

— Ой...

Она явно испугалась.

— И что делать?

— Еда дома есть?

— Естественно, — даже оскорбилась она. — Ты за кого меня принимаешь?

— За счастье мое принимаю, — отмазался я. — Я имею в виду — еда на несколько дней есть в холодильнике?

— Конечно. Мы же позавчера на неделю запаслись.

Тоже верно. По субботам мы всегда на неделю еды накупали — при загородной жизни так удобнее. Ехали всей семьей в торговый центр, дети бесились у игровых автоматов, а мы наваливали по две тележки всякого съестного. Хорошо, что они эту привычку не оставили.

— Вот что... — Меня что-то во всем этом беспокоило, но я не мог понять что. — В общем, никуда не ходите. Потусуйте дома, кино посмотрите, проведите время, в общем. Ладно?

— Да что такое? — удивилась жена. — Ты о чем-то не говоришь, я же тебя знаю.

— Я пока сам не знаю, о чем не говорю, — сознался я. — Тут тоже какие-то безобразия ночью были, и погода плохая, вроде как песчаная буря идет. От этого, наверное, настроение такое, что ждешь неприятностей. В общем, посидите, я буду позванивать. Хорошо?

— Хорошо... — протянула она, озадаченная.

Я положил трубку, вновь уставился в экран. Новости какие-то подозрительные. И совсем непонятные. Одно дело беспорядки на темы политические, и с национальной тематикой тоже ничего непонятного не бывает, а тут... вроде кто-то на кого-то напал, кто-то погиб, а кто, зачем и почему? Ни слова. Такое ощущение, что пишущая братия сама не понимает, о чем пишет.

На сайтах телеканалов никакого видео с улиц нет, только интервью городских властей в полном составе. Какие-то маловнятные обещания, заявления, что все уже под контролем и так далее. А что под контролем? Каким контролем? И что вообще случилось-то, трудно сказать?

На безразмерном «Ю-Тубе» нашлась целая подборка видео на тему «Насилие в Москве», но в основном не по делу. Два ролика заинтересовали — они явно были свежими, но, что именно происходит, непонятно. В одном месте какой-то мужик бросался на толпу людей, а те разбежались. Причем бросался без ножа или другого оружия, и, что собирался сделать, я так и не въехал. И чего они от него бегали, тоже не ясно — проще навалить было. Видео было сделано мобильным телефоном, качество ниже плинтуса. Второй ролик был

коротким и вовсе не понятным. Какая-то женщина в подъезде выходила из двери и бросалась на мужика, идущего по лестнице перед снимавшим. Затем оба катились вниз, а тот, кто снимал, ронял телефон, и запись останавливалась.

На русских видеосайтах были эти же ролики — ничего нового. И что делается? Совсем меня озадачили.

С улицы раздался звук мотора подъехавшего автомобиля, затем открылись ворота. Перед окнами мелькнула серая крыша старенького «сатурна». Паблито подкатил. Я глянул на часы — раньше всех. Еще четверть часа до начала рабочего дня.

21 марта, среда, вечер. Москва

Звонок мужа слегка озадачил Машу, но сказать, что она растерялась, было бы неправильно. Что-то такое она заподозрила уже вчера. Еще вчера ей звонила Настя — жена брата — и сказала, что слышала в городе стрельбу. Затем звонил уже сам брат и сказал, что в городе массовые драки или что-то в этом духе. Она подумала тогда на футбольных хулиганов или «бритоголовых». Сейчас позвонил муж, и это насторожило ее больше всего, поскольку именно ему она больше всех и доверяла. Они были женаты уже двенадцать лет, и за это время она достаточно хорошо его изучила и знала, что просто так панику наводить он не будет. Вообще он и паника были понятиями несовместимыми. Еще с первого дня их знакомства она довольно ловко научилась справляться со всеми проблемами, выяснив, что лучший способ для этого — донести их до него. Он вздыхал, пару минут думал, затем выдавал или готовое решение проблемы или обещал, что обязательно его придумает. И придумывал.

Муж был старше на девять лет, познакомились они, когда ей было девятнадцать и она оканчивала Институт иностранных языков, а ему было двадцать восемь, и он недавно вернулся к гражданской жизни, потому как после института очутился в армии, в лейтенантах. И на момент знакомства он был начинающим бизнесменом, довольно успешным. Тогда он занимался производством сборных домов из дере-

ва, отчего мотался на машине дважды в неделю в Костромскую область и обратно. В конце концов он продал ту компанию, потому что устал от бесконечных поездок, и в результате с новой работой вообще угодил в Америку, откуда звонил ежедневно и жаловался на непроходимую тоску. В общем, не судьба была осесть на месте.

Между делом они выстроили себе очень неплохой дом в ближнем Подмосковье, хоть и не по самому престижному направлению, продали московскую квартиру и полностью переселились, как она выражалась, «на пленэр». Сначала жизнь почти на берегу Пироговского водохранилища в доме со своим бассейном, спортзалом, сауной и домашним кинотеатром показалась раем, но, когда Юрка пошел в школу, стало сложнее. Из-за сумасшедших московских пробок приходилось будить его в шесть утра и везти до школы иногда чуть ли не два часа, а потом еще столько же обратно. Поэтому вся первая половина ее дня была занята доставкой Юрки в школу, а младшего, Сашки, в расположенный рядом детский сад.

Она в свое время планировала не отдавать младшего в сад, но не получилось — оставить его одного дома было нельзя, а решить проблему с няней в дачной местности оказалось невозможно. Так что дети отдувались за промахи родителей в планировании места жительства.

Однако сейчас удаленность их жилья от города ее порадовала. За окном стояла тишина, только где-то неподалеку в поселке лаяла собака и слышались детские голоса. Юркины друзья гуляют. Поселок был большой, и детей в нем хватало. Его она не отпустила, хоть он и просился — сочла наглостью требование отпустить его гулять, раз он сумел не пойти в школу. Да и прохладно еще было: весна только началась.

Снизу послышалось громкое урчание, и она опустила глаза. Барсик. Огромный персидский котяра, нахальный и очень ласковый. Муж обожал котов, и однажды ему подарили котенка. И уже по пути домой, когда они везли его в машине, Маша сама превратилась в «кошколюбительницу». А затем им подарили еще одного котенка, а еще через год Маша сама присмотрела третьего на кошачьей выставке и

купила его. В результате они делили кров с тремя здоровенными и наглыми котярами. Два других сейчас наверняка где-то дрыхли.

Она нагнулась, подхватила на руки довольно заурчавшего Барсика и пошла наверх, в Юркину комнату, откуда доносились звуки компьютерной стрельбы. Как всегда, старший рубился в какую-то игру, а младший сидел на стуле рядом и с восторгом наблюдал за происходящим.

— Что на дом задали, выяснил? — спросила она Юрку нарочито строгим голосом.

Учился он хорошо, но, как любой нормальный ребенок, был рад любой возможности не учиться. Не напусти она ему о домашнем задании, он и не стал бы выяснять, что же сегодня задали. А потом схватил бы двойку — такое уже случилось.

— Я сейчас! — подчеркнуто засуетился он, при этом вовсе не отрываясь от компьютера.

— Пять минут! — сказала она. — Я проверю!

— Я проверю! — заявил младший, словно передразнивая ее, толкнул старшего в бок, и она засмеялась.

Затем вышла из комнаты сына и пошла вниз, в цокольный этаж. Подумала, включила сауну на разогрев. Тоже привычка, которую она подхватила от мужа. Впервые он затащил ее в парилку чуть не силой. Она попыталась убежать, он ее задержал, а через пару минут она ощутила, что ей там очень нравится. И с тех пор наличие дома своей сауны считала самой удачной их покупкой. Даже недавно пристроенный к дому бассейн не приводил ее в такой восторг.

Барсик сауну недолюбливал, поэтому, стоило ей зайти в кабинку и нагнуться к печке, он вырвался и с независимым видом удалился, задрвав похожий на букет хвост и важно вышагивая лапами в пушистых «штанах».

— Ну и иди отсюда... со своими штанами, — сказала она ему вслед.

Маша подошла к двери, ведущей в бассейн, отперла ее. Из-за того, что одна стена бассейна была стеклянной, она сама настояла на том, что могучая, почти что сейфовая дверь отделит его от сауны. И всегда следила за тем, чтобы она

была заперта: так ей было спокойнее. Раньше она была намного безопаснее, но года три назад в соседнем поселке из-за такой беспечности погибла целая семья — грабители среди бела дня зашли в дом через открытую дверь, а никто из соседей даже не спохватился: все думали, что так и надо. А бандиты согнали всех жильцов в подвал — пожилого мужчину с женой и двумя гостившими у них внуками — и всех там убили, зарезав ножами.

Убийц вскоре поймали — это оказалась бригада строителей то ли из Молдавии, то ли с Западной Украины, которые до этого перекладывали крышу на этом самом доме. Но убитым старикам и двум детям было уже все равно. Ровно с той поры она стала относиться к вопросу запертых дверей намного серьезнее, к немалому облегчению мужа. До этого она считала его чуть не параноиком, а он всегда говорил, что двери существуют для того, чтобы их закрывать, в противном случае их бы не устанавливали.

Воспоминания о погибшей семье ее немного встревожили. Беспорядки в городе — теперь еще это вспомнилось... Андрей позвонил с какими-то непонятными страхами. Она прошла через спортзал к двери, ведущей в подвал, решительно открыла ее. Стало почему-то страшновато, когда она глянула на темную лестницу. Такого за ней раньше не водилось. Она мотнула головой, словно отгоняя страх, щелкнула выключателем. Свет упал на покрытые красноватой, искусственно состаренной плиткой ступени и нарочито грубую отделку стен. В подвале, кроме кладовок и гардеробной для несезонных вещей, были еще домашний кинотеатр с проектором и экраном во всю стену и даже небольшой бар. Они заранее определили подвал как продолжение жилой территории.

Она решительно прошла в гардеробную, встала на полку для обуви и пошарила рукой вверху. Так и есть, вот он... Она вытащила ключ от высокого сейфа, упрятанного в один из шкафов. Щелкнула замком, открыла массивную дверь. В глубине шкафа солидно поблескивали вороненой сталью два ружья. Еще когда только начали давать разрешения на владение гладкоствольным оружием, муж сразу же сделал

себе такое, после чего поехал в магазин и вернулся из него с двумя длинными футлярами. Затем они несколько раз стреляли из ружей на природе, а муж постоянно подкупал патроны. Понемногу, по паре пачек в месяц, но в течение нескольких лет. И теперь весь нижний отсек шкафа был забит большими картонными коробками с патронами.

В ружьях она ничего не понимала, но знала, что одно именуется помповиком, и у него надо постоянно передергивать такую штуку под стволом, а второе этого не требовало — надо было лишь жать на спуск раз за разом. На одном из них, этом самом помповике, стояло овальное клеймо с большим крестом, тремя коронами и надписью «Мос-сберг». Как называлось второе, она забыла, а искать клеймо ей было лень.

Она умела заряжать их и даже стрелять. Сначала муж буквально заставил ее, а потом, после первых попаданий в банки из-под кока-колы, выстроенные на поваленном бревне, ей даже понравилось. В ушах звенело, болело плечо, но было интересно и весело. С этих выездов на природу ее отношение к оружию исключительно как к орудию убийства испарилось. А сейчас вид двух тяжелых ружей в сейфе ее даже успокоил.

Она протянула руку, достала то из них, которое было самозарядным. С помповиком у нее получалось хуже — когда спешила, подчас патроны застревали при перезарядке. Ружье приятно легло в ладонь, надежно, увесисто, словно намекая, что она не беззащитна. Затем она вновь поставила его в сейф, взяла одну из коробочек, открыла. Внутри бок о бок лежали толстые пластиковые патроны. Десять штук в упаковке. Она быстро пересчитала коробки в шкафу. Вышло, что там не меньше пяти сотен патронов — даже удивилась, как их много. Затем захлопнула сейф и пошла из подвала наверх, немного успокоенная.

— Ты узнал, что на дом задали? — крикнула она снизу.

— Да! — ответил Юрка.

— Когда займешься?

— Когда Сашку отсюда уведешь! — слегка злорадно крикнул он.

— Начнешь делать — он сам уйдет! — крикнула Маша.

— Не уйдет! — крикнул Сашка.

Младший был упрямым как осел и готов был действовать даже себе в ущерб, лишь бы наперекор тому, чего от него требовали. Но никто такому характеру не удивлялся, потому что сама Маша в детстве была, со слов всех родственников, точно такой же. Гены.

Зазвенел домашний телефон. Она поискала глазами трубку и обнаружила ее на кухне, на барной стойке.

— Алло?

— Дорогая, это я! — как всегда, ерническим тоном объявил брат.

Брат, которого звали Володей, был ее младше на пару лет, здоров, как медведь, неумеренно болтлив, обладал талантом копировать и передразнивать людей, а вот недавно женился, когда от него уже никто этого не ожидал. На хорошей девушке Насте — двадцати пяти лет девушке, работавшей косметологом в каком-то модном московском салоне, и которая сейчас была уже беременна.

— Здравствуй, дорогой. Чего надо? — в тон ему ответила Маша.

— Ты сына в школу не пускай завтра, — сказал брат, неожиданно посерьезнев. — В городе черт знает что творится.

— А что там творится? — насторожилась она.

— Стреляют постоянно. Ты же телевизор не смотришь, как обычно?

— Нет, а что?

— Да болтают тут... не пойми что.

Кроме его голоса, в трубке слышались какие-то шумы. Звонил он явно с мобильного.

— Ты где сейчас?

— За Настей еду на работу. Заберу ее оттуда.

— Ну и правильно, — сказала Маша, почему-то уже догадываясь, чего хочет брат.

— Я хочу потом к вам приехать, даже вещи собрал, — сказал он сразу же, едва она додумала свою мысль.

— Давай.

Она обрадовалась, и ничего странного в этом не было.

Брат ее до своей свадьбы вообще был добровольной сиделкой с ее детьми и в племянниках души не чаял, и они его обожали с той же силой. Места в доме хватало, никто никого не стеснял, а с братом всегда было весело. К тому же при нынешних обстоятельствах с ними было бы намного спокойнее, раз уж муж застрял на другом конце света.

— Приезжайте, конечно! Через сколько будете?

— Ну... трудно сказать. Машин на дорогах немного, кстати. За час доедем максимум.

— Раз вы в эту сторону, то по пути в «Седьмой континент» зайдите. Не в лом?

— Нет, конечно! А что нужно?

Володе ради любимой сестры никогда не было что-нибудь «в лом», чем она обычно беззастенчиво пользовалась. А на этот раз ее словно кто-то под локоть толкнул: «Скажи ему!»

— Всего, и побольше, что хранить легко. Андрюха звонил совсем недавно...

— И что? — насторожился Володя.

Андрей для него был главным авторитетом в этом мире, и к его мнению он прислушивался всегда.

— Да так... волнуется что-то. Сказал, чтобы мы как можно дольше из дому не выходили и продуктами запаслись.

— Понял! — сразу ответил брат. — Завалю весь багажник. Тогда часа через два жди.

— Жду, езжайте.

*21 марта, среда, день. Округ Юма,
штат Аризона, США*

Джефф ушел с дежурства ровно в десять, когда началась работа и все собрались. Первая половина дня прошла за обычной рабочей суетой, было вовсе не до ночных новостей из трейлерного парка, хотя охранник успел рассказать об этом и Паблито, и Терезе.

Однако в середине дня в Интернете появились новые заголовки, которые меня не то что напугали — я в них не очень-то и поверил, но поразили до глубины души. Как на-

счет «Зомби атакуют людей на улицах Москвы»? Были и фотографии, в основном выложенные в Интернет случайными людьми. Официальные телеканалы хранили почти полное молчание, газеты в их онлайн-версиях что-то писали, но все разное, и единство у них было лишь в одном — в городе что-то происходит, причем очень плохое. Происходит там, семья моя тоже там, а я прохлаждаюсь здесь.

— Тереза! — окликнул я помощницу. — Мне билеты в Москву срочно, как можно быстрее, на самый ближний рейс. Любой класс, любая компания, любой маршрут, с любыми пересадками.

— Там что-то случилось? — спросила она.

— Что-то случилось, — кивнул я. — Какие-то беспорядки начинаются. Не хочь их одних оставлять.

— Я поняла, сэр, — сказала Тереза и склонилась над клавиатурой, но затем подняла голову: — Знаете, здесь тоже что-то происходит. На «Яху»¹ в новостях говорят о каких-то случаях насилия в Нью-Йорке.

— Да? — насторожился я.

Это уже может стать проблемой. Американцы после самолетной атаки на торговый центр в Нью-Йорке вообще нервными стали — могут и полеты прекратить, с них станется. Или придумать что-то еще, столь же достойное и столь же проблемное.

— Понял, — кивнул я. — Давай как можно быстрее меня отправляй.

Я вышел из трейлера во двор и столкнулся с Джеком, командующим погрузкой длинных рулонов упакованной сетки в большой грузовик с логотипом компании, занимавшейся выращиванием апельсинов. За рулем погрузчика сидел Паблито, водителем же грузовика был толстяк в шортах и клетчатой рубашке, с длинными усами и наголо бритой головой. В руке у него была открытая банка кока-колы.

— Джек, на минутку! — отозвал я управляющего.

Тот подошел.

— Джек, я улетаю в Москву сразу же, как Тереза найдет билеты. Остаешься тут за главного.

¹ «Я х у» (Yahoo) — поисковая система в Интернете.

— Почему такая срочность? — спросил Джек, наморщив красный и шелушащийся от солнечных ожогов лоб.

— Потому что начинаются беспорядки, боюсь, что закроют полеты. Справишься?

— А как ты думаешь? — усмехнулся он.

— Но спросить-то я должен? Верно? — засмеялся я и хлопнул его по плечу.

Джек отошел, а из трейлера выбежала Тереза с распечаткой полетов. Протянула ее мне, попутно отбарабанив скороговоркой:

— Ближайший рейс, на который есть билеты, завтра в двенадцать двадцать пять пополудни. Летите до Солт-Лейк-Сити с «Дельтой», ждете два часа, летите в Атланту, Джорджия. Там пересаживаетесь на московский рейс все той же «Дельты» — и следующим утром в Москве.

— Нормально. Бывает и хуже, — кивнул я. — Оплачивай.

Мог быть и такой рейс, что больше чем на двое суток растянется. За сутки до вылета найти нормальные билеты невозможно, это откровенно повезло.

— На когда брать обратный?

— Бери с открытой датой — кто знает, что будет дальше... — поморщился я.

Открытая дата дорого, даже служебные расходы не бесконечны, но альтернативы не вижу — черт знает, как там все дальше пойдет.

— Хорошо. Оплачиваю с корпоративной?

— Именно, — подтвердил я.

Тереза убежала в вагончик, виляя толстым задом в белых шортах, а я задумался. Что все же происходит? Понятно, что насчет: «Зомби пожирают живых на улицах Москвы! Зловещие мертвецы АЛЧУТ вашей крови!» — кто-то развлекается, но у меня не получается придумать другой причины для беспорядков. Никаких проблем на горизонте не было, на мой взгляд. А если и были, то совсем другого характера. А в Нью-Йорке что случилось? Очередной расовый бунт? Так их вроде давно не было, с того случая в Лос-Анджелесе...

Так, и что делать? Я бросил взгляд на часы — три часа дня, в Москве уже полночь. Не так уж поздно, на самом деле. Бу-

дем считать, что повод экстренный. И я набрал телефон жениного брата. Он парень толковый, зря паниковать не будет, он мне и разобъяснит, что делается в этом мире.

Ответил он почти сразу, словно ждал моего звонка.

— Володь, привет, это я. Не разбудил? — поприветствовал я его.

— Ни в коем случае! — послышался голос в трубке. — Мы у вас в гостях, кстати.

Я едва сдержался, чтобы не испустить громкий вздох облегчения. Лучшего и желать нельзя: сам хотел его об этом просить.

— Володь, а что происходит?

— Ты не поверишь, но какие-то психи бросаются на людей. И кусаются. Эпидемия у дураков, что ли?

Судя по голосу, он был явно озадачен. Здорово так озадачен.

— И в чем проявляется? — осторожно уточнил я.

— А в том, что действительно психи на людей бросаются. Твоя жена нас с Настенной загнала в магазин за продуктами, хотя у нее и так провизии на батальон, а там какое-то чучело тетку искусало, еле ее отбили. А хмыря этого мент застрелил. По-простому так: бац в башку — тот и с копыт. К полному восторгу публики, некоторые аж переблевались.

— Ты серьезно? — обалдел я от такого рассказа.

— Серьезней некуда, я сам эту тетку отбить пытался. Он ее как собака порвал, прямо зубами грыз, и вид дурной, как у психа. Я ее в одну сторону тащу и ногой его пинаю, а ему все равно — зубами вцепился в руку и тащится следом.

Голос у него и вправду был ненормальный, слишком возбужденный.

— Тебя-то не укусил?

— Нет. А вот еще одного мужика куснул, тот в травмпункт уехал швы накладывать, — вздохнул он, затем добавил: — А я тут коньячок из твоих запасов пью, в себя прихожу. Тот, который кидался, даже с виду такой был, что только в фильмах ужасов снимать. Сам где-то ободрался, весь в крови, глаза бешеные. Мент ему дважды в грудь выстрелил,

тот и не почувствовал как будто, настолько дурак. Когда в лоб ему засадили, только тогда уже копыта разбросал.

— Серьезно? — не придумав ничего умнее, переспросил я.

— Нет, шучу! — неожиданно обозлился он. — От меня все в трех метрах происходило!

— Во как... — не нашелся я, что ответить. — Я к чему звоню! Вылетаю завтра утром, буду в Москве в час ночи. Встречать не надо, сам доберусь. Сиди лучше с моими.

— А чего не надо-то? — возразил он. — Таксисты с тебя знаешь сколько сдерут?

— Да по барабану сколько! — чуть вспылал я. — Мне спокойней, если ты рядом со своей беременной и моими будешь. Понял?

— Ну... как скажешь... — смирился Володя. — А еды мы все же купили. И завтра хочу еще одну поездку сделать. Не возражаешь, если твою машину возьмем? В нее больше влезет. Жена моя недавно где-то карту «Метро» стрельнула, вот и затаримся оптом. Я забыл про нее сегодня, я завтра сгоняем.

— Да берите без вопросов, чего спрашивать?

Я попрощался и отключился. Во дела... Зомби, говорят... Как в кино... Хм. И что делать? Мент вот сделал — застрелил. Дважды в грудь стрелял, а псих не падал. «Дабл тап» типа, сдвоенный выстрел такой, его еще «бам-бамом» зовут. Я уже умею — там самый смысл отпускать спуск между выстрелами, тогда ствол сам возвращается на исходную точку... Если пистолет правильно держишь... О чем это я вообще? В голову ему стреляли, потому что психа «дабл тап» не свалил. Так вот... Вампир просто. А вампиров и в голову не валит, наверное. А машину пусть берут, у меня «патфайндер», у него багажник огромный, много влезет.

Нет, надо что-то делать, а то я до вылета совсем изведусь тут от неизвестности. Они там, где психи на людей кидаются с целью выжрать их мозг, или что там зомби обычно едят, а я тут ошиваюсь, сетку отгружаю... А что я могу сделать? Все равно самолет раньше не вылетит. Ох, только бы до завтрашнего утра ничего здесь не случилось. Местный аэро-

порт делит взлетные полосы с авиабазой корпуса морской пехоты, если что пойдет не так — те все к чертовой матери перекроют. Тут вообще всего военного вокруг до черта понатыкано, но ничего полезного. Полигоны испытательные, стрельбища, еще что-то, а войск самих и нет почти, одни названия, даже охрана на этих объектах гражданская.

Домой поехать? А что дома делать? Вещи можно собрать. Точно, вещи. И «тревожный чемодан». Очень полезно иметь «тревожный чемодан» на случай чего. Случилось — а ты уже готов, схватил его и побежал. Или убежал, не знаю как лучше. Надо только людей известить, что я уехал... куда? А по делам я уехал — босс я здесь или нет?!

Направился в трейлер и едва вошел, как Тереза протянула мне распечатку моего рейса. Теперь билеты электронные, никуда ехать выкупать их не надо, так что этой бумажки вполне достаточно для регистрации и посадки. Я посмотрел время, дату — все в порядке, в час ночи по Москве я уже должен буду приземлиться в аэропорту Шереметьево. Что еще нужно? Нужно, чтобы ничего до этого времени не случилось. Что же у меня такие предчувствия-то плохие? Интуиция обострилась или банальная паника? Лучше бы последнее — попаникую да и перестану. Выпью, например, чего-нибудь, и все пройдет. А ведь тоже мысль: бутылка хорошего коньяку у меня и дома найдется. А то нервы ни к черту, как у того мужика из анекдота...

Минут через пятнадцать я уже выехал из ворот, наказав перед отъездом звонить мне немедленно на мобильный, случись что нештатное. Дурные предчувствия категорически не отпускали. Я не стал сворачивать сразу в свой поселок имени купающегося койота, а поехал дальше, в сторону Юмы, решил все же немного осмотреться. Ехать туда не то чтобы далеко, но и не слишком близко — порядка тридцати километров, хоть все время по прямой. По не слишком загруженному хайвею¹ номер восемь — отдых, а не езда, если не трястись, как я сейчас.

¹ Автомагистраль, автострада (англ.).

Моей главной целью было бросить взгляд на аэропорт и убедиться, что его не закрыли, что он не сгорел, что ничего с ним не случилось и что завтра с утра я смогу там сесть в самолет, улетающий в Калифорнию. Да и заправиться надо, кстати...

Нет, на заправку на обратном пути заеду, так как раз будет удобно — она прямо на хайвее. У меня еще половина бака не израсходована.

А может, у меня действительно паранойя? Чего я сейчас трясусь? Кто поверит в болтовню о зомби? Ну, случатся в Москве беспорядки, выгонят на улицы ОМОН, подтянут внутряков в крайнем случае, и что? Разгонят за пару часов всех, а то и быстрее. Почему так кошки на душе скребут? Точно, надо бы психиатру показаться, здесь это модно тем более. Он меня про детство послушает, найдет подспудные страхи с эдиповым комплексом, вместе взятые, прозак¹ пропишет. И успокоюсь.

Так, с мрачными мыслями, я доехал до аэропорта, оставив его по левую руку. Нет, тут все нормально, как мне кажется. Ни усиления, ни патрулей морских пехотинцев, ни даже нездорового оживления. Все тихо. Разве что двое полицейских, стоящих у своего «форда», обернулись на треск мотоциклетного мотора. Но выглядит все достаточно обыденно. Это обнадеживает.

Покатил дальше, по Одиннадцатой, застроенной с обеих сторон магазинами автодилеров, мебельными, спортивными и всевозможными закусочными, широкой, как сама аризонская пустыня. Едва я миновал длинную ограду кантри-клуба, как меня обогнали на большой скорости сразу две кареты «скорой помощи», которые, заложив пологий вираж на повороте, погнали на Четвертую улицу — оттуда до Медицинского центра Юмы рукой подать. Не знаю почему, но я увязался за ними. Наверное, подумал, что если есть проблемы в городе, то заметнее всего они будут у госпиталя — куда еще пострадавших-то таскать? Не то чтобы я ожидал, что на дверях вывесят стенгазету с описанием событий, но иногда и по суете можно понять, что делается.

¹ Лекарство от депрессии.

В общем, так я и поступил и поэтому спокойно покатил на тридцати милях в час следом за «скорыми». И через пару минут заезжал уже на стоянку госпиталя.

Региональный медицинский центр Юмы был огромным, очень современным, по архитектуре напоминал дорогой отель и обслуживал весь округ, а заодно и часть окрестных. Местный Сити-холл законно им гордился, и его фотографии печатались даже в путеводителях по этим краям. Специализировался он как раз на хирургии и на оказании скорой помощи — просто местный институт Склифосовского. Логично было предположить, что если кто и пострадал в случаях странного насилия, то привезли таких именно сюда.

То, что не все в порядке в этой жизни, бросилось в глаза сразу: прямо у пандуса приемного покоя стояли сразу четыре полицейские машины, внедорожник пограничного патруля и целая куча «скорых». Кого-то быстро катили на каталке к дверям, санитар держал над пострадавшим капельницу — это все, что я успел разглядеть. Не может быть, чтобы в таком маленьком городишке, как Юма, пусть даже во всем округе, так много и так сразу оказалось пострадавших. Разве что была какая-нибудь большая авария на шоссе, но о ней бы уже все местные радиостанции трепались наперегонки, а пока молчок.

Присмотрелся внимательнее — у двоих полицейских руки забинтованы. У одного предплечье, у другого запястье. Поножовщина? Такое при поножовщине обычно и случается. Все равно все странно.

Я проехал дальше, прокатился по всей стоянке вокруг госпиталя, но больше ничего необычного не нашел. Однако в подозрениях своих укрепился: что-то все же происходит, а мы или не знаем об этом, или не понимаем. Второе даже хуже незнания.

А вообще мне бы лучше вернуться домой. Потому как наш «сытенький» по местным меркам поселок лишь шоссе и маленькая апельсиновая плантация отделяют от нескольких трейлерных парков с сезонными работягами, среди которых человека без судимости или проблем с алкоголем и наркотиками найти почти невозможно. Работа-то для нелегалов, но

такие трейлеры иммиграционная служба часто шерстит, так что живут там самые что ни на есть граждане. И если гражданин выше уровня сезонника не поднялся, то следует думать о нем плохо. Или очень плохо. Это аналог российских грузчиков с овощебаз — или бомжи, или алкаши.

К чему я это? Да к тому, что если начнутся беспорядки, то как раз толпа обитателей трейлерных парков пойдет через дорогу громить жителей Койотовой Купальни. Это как на границе черного гетто жить во время расовых волнений. Такую возможность как очень вероятную рассматривают обе стороны потенциального конфликта с обеих сторон дороги.

Впрочем, и здесь, в самой Юме хватает проблемных мест. Это хоть и Аризона, но далеко не Скоттсдейл¹, а приграничный пыльный городишко. Почти напротив госпиталя как раз такие кварталы расположены — смесь пустырей, огороженных территорий, где собираются по вечерам местные торговцы дурными зельями и где ждут проезжающих машин исполнительницы сеанса орального секса за двадцатку, потасканные и некрасивые. Именно этим «соседством» рулит банда «Ацтеки» из Сан-Луиса.

А ведь еще совсем рядом граница. И если что-то начнется, сколько человек с той стороны попытаются под шумок порешать свои проблемы? Да как бы не каждый второй. Перспектива, в общем. Причем специфика сугубо американская — у нас в стране почва под потенциальными беспорядками обычно совсем другая. Но привык, уже умею местными категориями рассуждать.

И этим рассуждениям я предавался, пока мой мотоцикл не торопясь выехал по Южной на Тридцать вторую улицу, где расположилось немалое здание «Спрэгс Спортс» — главный оружейный магазин города. Если кто-то чувствует неприятности, то там должно быть оживление. Но все было как обычно. Пара человек расхаживала за сетчатым забором по стоянке с подержанными пикапами, несколько машин сто-

¹ Скоттсдейл — один из самых дорогих и престижных городков Америки, пригород Феникса. Множество гольф-клубов, кантри-клубов и прочего, население состоит в основном из богатых пенсионеров.

яло у дверей оружейного магазина и тира, но не больше, чем обычно.

Впервые пожалел о том, что не стал получать «грин-карту», хотя возможность всегда была — не хотелось платить американские налоги, да и просто незачем было. А сейчас вполне мог бы прикупить себе что-то для самообороны. Есть такое ощущение, что это может понадобиться, но так, с рабочей визой, никто ничего не продаст. А ведь можно было и нелегальное что-то приобрести в свое время — скатайся в Неваду, например, на оружейную толкучку, да и покупай. Там половине продавцов только деньги интересны, а не твоя идентификация. Никаких проблем.

Проехав мимо, я выкрутил ручку газа, резко ускорившись, и покатил домой, наслаждаясь встречным ветром, задувающим под щиток. Заправлюсь по дороге, да и начну собирать вещички помаленьку.

21 марта, среда, вечер. Округ Юма, штат Аризона, США

Примерно до девяти вечера все было тихо, никакого движения вокруг. Телевизор тоже никаких новостей о местных событиях не передавал, Си-эн-эн транслировала некий невнятный репортаж из Москвы, сопровождаемый кадрами, показывающими омовские патрули на улицах, бронетехнику и военных. Затем несколько раз показали трупы, просто лежащие на асфальте. Говорили о насилии в городе, показали мэра, что-то говорившего в микрофон, но исключительно как иллюстрацию к репортажу — что сказал мэр, так и осталось за кадром. Я чуть было не кинулся вновь звонить жене, но вовремя спохватился — в Москве еще шесть утра, спят они. Попозже их наберу.

Затем нечто неприятное пришло с улицы. Откуда-то со стороны крошечного аэропорта Уэлтона, где я учился недавно вождению самолета, донеслись звуки стрельбы, причем с применением автоматического оружия, а затем там поднялся столб черного дыма, словно горел целый грузовик покрышек. Наблюдал я это уже из своего двора, куда вылетел как по тревоге. А ведь я там учился, на этом самом аэро-

дроме. Я вытащил из кармана мобильный, нашел в списке номеров Дейва, инструктора по летной подготовке, и нажал клавишу вызова. Если он в курсе, то узнаю, что случилось, а если нет, то расскажу про дым и стрельбу — сойдет за дружеское беспокойство.

Однако телефон Дейва не отвечал, а сразу переадресовывал на голосовую почту. Или выключен, или вне зоны покрытия, или следует предполагать худшее.

— Что там случилось? — спросила меня через низкий забор соседка — короткостриженная полная женщина лет сорока, работавшая менеджером в местном «Кей-Марте»¹.

— Не знаю... — мотнул я головой.— Стрельба, потом что-то загорелось.

— Ой... — всплеснула руками соседка.— Если там разбился самолет, то у меня будет депрессия. Я не могу даже думать об этом.

В противовес словам говорила она вполне спокойно, даже чуть равнодушно. Я заподозрил, что упоминание депрессии должно было что-то символизировать в ее словах, например, степень ее участия в чужом горе. Или просто привычка вроде условного рефлекса — «происшествие, депрессия, психоаналитик, чек, прозак». Или рецепт на успокоительные, на которые подседа уже половина американских домохозяек.

Она ушла в дом, но меня окликнули с другой стороны — из дома напротив вышел Том Райли, еще один сосед. Владелец небольшой строительной компании, высокий, тощий и седой, он придерживался ковбойского стиля в одежде, почти никогда не снимая со своей стриженной головы белый «стетсон». Но здесь, в Аризоне, это вовсе не экзотика, так что никого он этим не удивлял.

А сейчас этот его образ укрепляла винтовка с рычажным затвором, словно сошедшая с экрана вестерна, которую он держал на сгибе руки. Я бросил взгляд на ее ресивер из синеватой стали — на нем было выдавлено слово «Марлин» и калибр — «.44 магнум». Под револьверный патрон винтовка, для «ковбойских игр».

¹ Один из универмагов сети фирмы «Кей-Март».

Первый вопрос, который Том задал, тоже был о том, что случилось на аэродроме. После того как я сознался в незнании, он сказал, что у него свояк работает в полиции Юмы и якобы он сообщил, что в городе было несколько случаев очень странного насилия, странность которого состояла в том, что во всех случаях кто-то пытался кусаться. И зачастую с немалым успехом — покусанных было много. Я согласился, что это более чем странно — один случай еще понятно, но несколько в один день... А заодно рассказал о своем разговоре с братом жены.

Том задумался, посоветовал мне быть осторожнее и ушел в дом. А я посмотрел на темноту, опустившуюся на улицу, и тоже решил не маячить. Со стороны шоссе доносились разноголосые завывания полицейских и пожарных сирен: стрельба и пожар на аэродроме незамеченными не остались.

Я еще потоптался во дворе, глядя в ту сторону, но через пару минут захлопнул за собой дверь в дом, а затем начал собирать вещи. Хотя что там собирать? Полечу без багажа, чтобы не зависеть от его перевалки во всем этом бардаке. Ноутбук, куртку со свитером, потому что в Москве еще холодно, что-то почитать в дорогу, ну и деньги с документами. Все в один рюкзак, и ничего больше.

Что еще можно сделать? Спать лечь? Не усну, весь на нервах. Кофе пить до утра? Не дело, мне еще потом лететь чуть не сутки, если все пересадки посчитать, обалдею от кофе. Вновь кинул взгляд на часы... нет, рано еще звонить. Интернет!

К вечеру новостные сайты России начали давать больше информации. Сайты официальных медиа давали ее скудно, больше обещая навести порядок в ближайшее же время, заодно умалчивая о самой сути проблемы. А вот сайты независимые говорили прямо — что-то произошло, и из-за этого «чего-то» начали подниматься мертвецы. И эти мертвецы жаждут нашей плоти, крови и всего прочего, возможно, вплоть до имущества. Как в дурном кино.

И еще в сети были видеоклипы. Теперь их было много, были они подробными и детальными, по крайней мере большинство из них, и простора для толкования событий они

уже не оставляли. В следующие полтора часа я забыл обо всем, просматривая их один за другим. Но уже через четверть часа свято уверовал в то, что все сказанное в этих новостях — чистая правда. А когда осознал, то ощутил, как ледяная волна рванула у меня по всей спине, а волосы самопроизвольно зашевелились.

Сюжет фильмов ужасов наяву. И не только в Москве — сообщения идут со всей России и из большинства стран мира. Тоже в обход официальных каналов, тоже отрывочно и эпатажно, но говорили об одном и том же. Мертвые встают, мертвые едят живых. Их можно вторично убить выстрелом в голову. Или треснув чем-то тяжелым по этой голове — так, чтобы она совсем в лепешку, а иначе никак.

Снова пожалел, что не съездил на эту самую толкучку, не привез оттуда нелегально приобретенного оружия, провезя его при этом через границу штата. Второе, кстати, уже преступление федеральное.

И еще все говорили, что укусы такого зомби влечет за собой смерть с последующим возрождением. Промежуток между смертью и воскрешением не больше пяти — семи минут. Укушенный мертвяком умирает через разные промежутки времени — зависит от места и размера раны, близости к основным сосудам и еще каких-то особенностей организма. Но умирают в ста процентах случаев. И всегда — чтобы восстать.

Так. А что здесь сегодня делается, в округе Юма? Что за выстрелы и кого в таком количестве везли в больницу? Я быстро нашел сайт местной газеты — «Юма Сан», влез в новостную ленту — «Последние местные новости». Сразу четыре сообщения о драках, укусах и стрельбе полиции. «Подозреваемый убит». «Подозреваемый убит». А не много ли для одного дня, да еще для такого захолустья, пусть и не самого спокойного? И вот эти укусы опять... Пострадавшим оказана помощь, некоторые в больнице, а некоторые отпущены домой — те, что отказались от госпитализации. Интересно, они сами-то заинтересовались таким большим количеством кусающихся? Или не догадались? Так, а в «Локал видео» у нас что? Вот ссылка, как раз под баннером местных «Одно-

классников»... «Трахни в сорок лет ту, которая не дала на вы-
пускном»...

Ролик под названием «Беспорядки возле Рузвельт эле-
ментари». Ох... «Элементарии» — это же начальная школа...
Пока я дождался буферизации всего ролика, глядя на крутя-
щуюся шкалу в центре маленького экрана, у меня начали
руки трястись, хоть я сам себя и успокаивал: «Случись что с
детьми — уже об этом бы в каждой новости писали». Но дети
тема такая — мало кто трезвое соображение сохраняет. Это
уже генетика наша бунтует.

Наконец буферизация закончилась, закрутилось видео.
В кадре несколько полицейских активно и часто стреляли в
двух окровавленных людей, пытавшихся подняться по сту-
пенькам школьного крыльца. Попало в этих двоих множест-
во пуль, не один десяток, и было заметно, что свалились они
от выстрелов в голову — попадания в тело никакого видимо-
го эффекта не произвели. Одному пули как минимум дважд-
ды попали в лицо, сбивали его с ног, но он поднимался и
шел дальше. Ну и какие сомнения, кто тут у нас завелся?
И как много пройдет времени до того, как «отказавшиеся от
госпитализации» жертвы укусов радикально сменяют имидж?
А неотказавшиеся?

Нет, я все понимаю, конечно, так не бывает, но понимаю
и другое — будешь настаивать, и тебе кранты. Поэтому на-
стаивать не следует, надо принимать реальность такой, ка-
кова она есть, каким бы идиотизмом это ни выглядело.

Все! Мне край надо улететь с утра. Край! Любыми средст-
вами! И я не хочу думать о том, что может случиться, если со-
бытия выйдут из-под контроля. Карантин? Да запросто вве-
дут, причем запрет на перелеты станет первым шагом. Не
хочу, мне к жене и детям надо. В Москву. Домой. В МОЙ
дом, потому что этот, где я сейчас, не мой.

Там у нас дом как крепость. Там вокруг все свои. Там своя
территория, в конце концов. В доме в Москве есть оружие.
Два дробовика и патронов штук триста или даже больше,
точно не помню, но я регулярно пополнял запас. А Володя
сегодня... черт, звонить пора!

Маша ответила после второго гудка.

— Любимая! Это я. Как вы?

— Мы нормально. Но по телевизору такое передают...

Голос спокойный, но она нервничает — я ее хорошо знаю. У нее вообще так — если нервничает, то голос еще спокойнее становится, ругается — на шепот переходит, вместо того чтобы кричать.

— Здесь тоже началось, — сказал я в ответ. — Боюсь, как бы не объявили карантин. Похоже на эпидемию.

— Что за эпидемия, если трупы встают? — удивилась она. — Это же конец света. Уже вся Москва знает, что происходит.

Голос какой-то уставший, но вроде даже не испуганный. Это я один тут трясусь? Мне туда надо, к ним...

— Нет, это не конец света, это эпидемия, — ответил я. — И с ней справятся. С эпидемиями всегда справляются, даже во всяких Африках, а ты не в Африке, и я сейчас тоже не в Африке.

— Не похоже. Я звонила Ленке и Марине. — Это она перечислила своих лучших подруг. — Они говорят, что в городе страшно находиться, там стреляют и на улице трупы попадают, так и лежат на дороге, где их убили. Они обе видели ходячих мертвяков своими глазами. В городе паника начинается, много погибших.

— Вы не в городе, — чуть успокаивающим тоном сказал я. — А я к вам приеду. Дождитесь меня, никуда не выходите из дома. Он у нас лучше всякой крепости.

Это верно. Строились мы не как в Америке, из картона и деревянных реек. Стены в три кирпича, могучие решетки на обоих этажах, сейфовые двери с распорками во все стороны — знаем, где живем. В такой ОМОН не вломится запросто, со всеми приданными средствами, не то что зомби. Главное, чтобы воды и еды хватало. Об этом я и заговорил.

— И как ты приедешь, если объявят карантин? — Голос у нее дрогнул — кажется, может заплакать.

— Ты меня не знаешь? — намеренно удивился я. — Я хоть раз в жизни в таком обманывал? Если сказал, что приеду, то приеду, пусть карантин, пусть война, пусть что угодно.

Она прерывисто вздохнула, в трубке зашуршало.

— Милая... — окликнул я ее. — Золотая моя, слушай внимательно. Слушаешь?

— Слушаю.— Голос и вправду вновь изменился, стал собраннее.

— Записать сможешь?

— Смогу. Уже пишу.

Ага, вот она где сидит — в библиотеке, за моим письменным столом, если ручка с бумагой под рукой. Пускай делом займется, это ее отвлечет.

— Пиши. Как можно больше продуктов вам надо. Сколько получится купить, на все деньги, таких, что можно долго хранить. Сама не ездй, на тебе дети — пусть скатается Володя. Он в армии служил, стрелять должен уметь.

— Я сама съезжу, мне не трудно, — чуть возмутилась она.

Это мы самостоятельные и самые смелые. Нет, я не смеюсь, но иногда проявляются эти качества не вовремя.

— Не вздумай! — надавил я. — У вас двое детей и беременная. Вдвоем из дома ни шагу никуда. Понятно? Никуда! Даже во двор! Обещай мне!

Тут надо сразу в атаку — упрямая она до жути. Если не сумею убедить — так и поедет в магазин.

— Хорошо.

Уф! Голос злой, но согласилась. Дальше легче будет. Если пообещала, то так и сделает.

— Отлично. Ему нужно оружие, и тебе тоже. Доставайте наши стволы из сейфа. Себе возьми «Эф-Эн», который самозарядный, ты с ним хорошо справлялась. Потренируйся, убедись, что ничего не забыла. Держи поближе к себе, но подальше от детей. Запоминаешь?

— Запоминаю. Давай дальше.

— Пусть всегда будет заряжено, и прицепи на приклад пластиковый патронташ, он тоже в сейфе лежит. И пусть в нем всегда будут запасные патроны.

— А как его цеплять? — озадачилась она.

— М-м... брата попроси, он сразу сообразит, — ответил я. — «Помпу» отдай ему, и тоже пусть держит поблизости и всегда заряженным. Поедет за продуктами — пусть берет с собой. Бойтся милиции — плевать, просто спрячет, но так,

чтобы под рукой было, и больше без оружия ни шагу. Поняла?

— А ты как там?

— Тут стволов полно, и все легально, не проблема, — приврал я. — Уже все в порядке.

Она в такие мелочи влезать не будет. Есть, значит, есть, о чем еще говорить?

— Хорошо. Что еще?

— Вода и генератор. Пусть Володя посмотрит, что там с соляркой. Вроде бы полный бак, да и в сарайчике под крыльцом полная бочка. Ее неплохо бы затащить в дом.

— Зачем? — удивилась Маша. — Она же тяжеленная!

— Затем, что лучше будет не выходить на улицу вообще.

— Как «вообще»? — удивилась она.

— Так. Буквально. Ты понимаешь, что мертвяки могут оказаться возле вас в любую минуту? А не мертвяки, так кто-то другой. Пока все не уляжется, лучше сидеть в доме.

— Думаешь?

Странно, но такую возможность она не рассматривала, судя по всему.

— Уверен, — спокойно ответил я. — Поэтому после поездки за продуктами из дома не выходить. По возможности — вообще. Заприте калитку и ворота на замок, чтобы случайные люди или твари не забрели. Дрова из сарая надо все перетаскать в дом. Трудно, понимаю, но надо. Это камин, отопление и даже свет на случай чего.

— Ты думаешь, что отключат? — заметно испугалась жена.

— Не знаю, но готовым нужно быть ко всему. Все нужное должно быть в доме. Вода. Нужно как можно больше воды. Наполните питьевой все бутылки, у нас четыре штуки в подвале, хорошо, что отвезти не успел. Теперь вот пригодились. Если вода продолжает течь, то воду из них сливайте и наливайте заново. Так будет лучше. Понятно?

— Понятно. Диктуй дальше.

— Сейчас. Ты главное помни, что дом у нас — настоящая крепость. Пока вы внутри, вам никто угрожать не может, в нем вы в полной безопасности.

Я диктовал ей еще минут десять, затем попросил к телефону Володю и повторил ему то же самое, слово в слово. Говорил про то, что не следует афишировать свое присутствие в доме. Что не выходить без нужды на улицу, но если кто-то вышел, то кто-то должен быть у дверей с ружьем, чтобы прикрыть в случае чего. Рассказал про задернутые навсегда шторы, про то, что в бассейне надо закрасить стекла, чтобы с улицы невозможно было заглянуть внутрь. Иначе кто угодно сможет разбить стекло и войти — у нас нет там решетки, а главная защита — стальная дверь между бассейном и домом. И тогда находящихся внутри отрезет от главного запаса воды. Потребовал отключить подогрев воды, слить из бассейна нынешнюю, с химикатами, и налить просто свежей и холодной, отключив подогрев, чтобы не зацвела. А затем накрыть полиэтиленом, чтобы не испарялась зря. Шестьдесят пять кубометров воды можно там хранить. Море! А мыться — и в ваннах, и под душем, пока вода есть. В общем, готовиться надо к самому плохому. Будет лучше — ну и замечательно, зато если все так и будет, то ты себя не раз по голове погладишь за предусмотрительность.

Заставил его подтвердить, что он умеет управляться с пистолетом. Про дробовики я и так знаю: он вместе с нами из них стрелял. В общем, наставил задач выше башки, но он все воспринял правильно — почувствовал, что дело пахнет керосином.

22 марта, четверг, утро. Москва

Пока Володя говорил с Андреем по телефону, Маша впервые всерьез задумалась о происходящем. Она вообще часто ловила себя на том, что мир за пределами семьи стала воспринимать как нечто не слишком важное. Особенно после рождения Сашки — смешного, упрямого и шептунного. Она была так спокойно счастлива в семье, что ей просто не хотелось думать о чем-то еще. Расстраивала командировка мужа, но она была у него в Юме, видела, как идут дела, и точно знала, что он скоро приедет. Наладится дело — и приедет. Он всегда приезжает домой, к ним.